

# Бессонница / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Бессонница / рассказ БЕССОННИЦА

Человек стоит босиком у стеклянной стены и смотрит сквозь нее на город. Вокруг него – ни единого звука. Не существует электричества, света и мобильной связи. Только всепоглощающая, растворяющая мир тишина. Человек впитывает в себя беззвучие. Чувствует голыми стопами мягкий ворс ковра. Глядит в эту стеклянную стену, практически не моргая, словно боясь услышать звук собственных век.

Но за стеклом – буря. За стеклом бушует дождь, сверкают молнии, и город будто расплывается, проседает под весом воды. Человек старается воссоздать привычный пейзаж: слева – высотка, под ней, на три этажа, реклама шампуня. Бесконечные линии машин, крыши палаток, вывески магазинов, яркие точки зонтов... Как странно, когда не слышно.

Вдруг на фоне темно-синего грозового неба к человеку приближается некая точка. Ближе, ближе... Человеку кажется? Нет. Толстый, полосатый шмель, летит через дождь. Садится на стекло с обратной стороны, на уровне глаз человека. На лапках шмеля – мешочки темно-желтой пыльцы. На полосатой мохнатой спинке – несколько дождевых капель. Я фокусируюсь на этих каплях, и мое сознание неловко возвращается обратно в тело. Я – это я. Буря затихает, и я спокойно выдыхаю: высотка возвращается туда, где еще недавно было размытое пятно. Шмелю надоедает сидеть и он взлетает, наполняя все вокруг гудением своих маленьких крылышек: бзззззззз...

А я просыпаюсь, что мне еще остается?

4:22. Доброе утро.

Голова гудит, словно шмель сидит внутри. Мой сон словно обратный отсчет. Вчерашнее пробуждение в 4.31. Позавчерашнее в 4.49. Спокойный восьмичасовой отдых – это надувной шар, бесконтрольно плавающий среди заостренных предметов.

Исчезнувшая соседская девочка. Случайное объявление с черно-

белой фотографией на двери подъезда. И это словно игла, и сразу укол, взрыв... Во рту горечь неизвестности. И вот уже через пять минут я смотрю на сугроб: не там ли она спряталась? Прислушиваюсь к звукам за стеной, всматриваюсь в лица, читаю новости, где о ней ни слова: не нашли ли, не вернулась? И вот уже наступает поздняя ночь, а я стою, всматриваюсь в движущиеся, словно водоросли, тени спящего города, затем пытаюсь уснуть, проваливаюсь то ли в сон, то ли в неизвестное мне дно яви. Сон превращается в яркий, катящийся ком, где перемешаны мысли, фантазии и воспоминания, и где так мало времени...

Бог с ним. Как говорят, время лечит? Завтракаю: кофе и булочка. За окном падает снег, крупными тяжелыми хлопьями. Кажется, что если я проведу за завтраком еще полчаса, то снег засыплет и меня с головой, и я никогда уже из него не выберусь. Вокруг все тускло, неподвижно, мой дом существует для сна и завтрака. Место, которое одним своим видом гонит в мастерскую, где все меняется каждые четверть часа, переворачивается с ног на голову, рассыпается и собирается в ином виде.

Выбегаю из дома. Спускаюсь в метро и рассматриваю людей вокруг. В метро напротив меня, у двери, сидит женщина в розовом пальто, с броским макияжем на блестящей коже. Из ее ушей устало свисают длинные, тяжелые серьги, серьги-червяки, и вид у нее недовольный, угнетенный. Стоящий рядом мужчина задевает ее своим рюкзаком, она оглядывается на него возмущенно, но безмолвно, из глаз ее вырываются молнии, но не достигают цели. Мужчина выходит из вагона, так и не ощутив ее негодования, тащит свой рюкзак дальше, унося в нем проклятие. Женщина провожает его взглядом до тех пор, пока поезд не увозит ее в тоннель, а затем спускает этот взгляд, словно собаку, на меня. Так мы и едем с ней, пока не доезжаем до моей остановки.

Выхожу из метро, вокруг – гудящий в любое время городской центр. Улей. Ажурный забор, гладкий черный асфальт в пятнах снега. Высокий бесцветный мужчина в костюме, скукающая нищенка с черным гремящим мешком, бизнес-леди в легкой обуви,

прогуливающий лекции студент в подвернутых джинсах. Карманная собачка в красном ошейнике, раздавленный на дороге голубь, оставленные рядом с урной ботинки. Голова гудит.

Захожу в мастерскую, вдыхаю аромат масляной краски, разбавителя, лака... Холсты, подрамники, кисти, коробки. Все, что не трогаю больше суток, покрывается пылью, словно волшебной пылью. Я оживаю.

Беру холст и ставлю перед собой зеркало, пишу автопортрет. Ни одной лишней детали. Только то, что имею. Грязными цветами по раме, а внутри – мазки гречишного и черного, и моя фигура кажется щуплой, тонущей и чужой. Смотрю в зеркало: вот он, я. Черные волосы, узкий нос, черные глаза. Такие черные, что зрачков не видно. Вот и лезет эта чернота за пределы туловища. Устаю от себя очень быстро, сажусь, облакачиваюсь на спинку кресла. Такое ощущение, что я – это не тело, я – кресло, на которое садится некто во много раз меня тяжелее, давит своей массой... Недостаток сна так просто не сбросить. Передо мной, на холсте – бессонница в цвете, и эта бессонница словно мой крест.

Скоро придет натурщица, надо обязательно сделать ее наброски до того, как наступит ночь. Искусственный свет все всегда портит... Перебарываю свое тело, встаю. Возвращаюсь к автопортрету и не вижу себя в зеркале. Тело становится липким. Поднимаю зеркало, смотрю в него, но в отражении – пустая мастерская. Меня в этой мастерской нет. Не вижу.

Так, кажется, на сегодня хватит. Ложусь спать, пишу записку натурщице: будить обязательно! Практически закрываю глаза, но такое ощущение, что веки закрываются не полностью, и сон выползает через глаза в пространство мастерской. В окно светит солнце. По деревянным рамам гуляет белый, мохнатый кот, и солнечный свет наполняет его шерсть желтым цыплячьим оттенком. Человек лежит на кровати, силится уснуть, но от появления кота ему становится не по себе. Кот – это хищник. Но хищник не обращает на человека внимания. Светящимися антеннами тянутся усы, столбом стоит радужный хвост. Вальяжно кот бродит по мастерской, вдоль окна, вокруг солнечного квадрата на полу. Ходит по человеку, но тот не в силах даже поднять руку и

защититься. Только точечное прикосновение шагов мягких когтистых лапок.

3...2...1... Кот прыгает в область солнечного света и исчезает.

– Вы просили разбудить вас. Меня Катя зовут.

Натурщица. Я просыпаюсь, смотрю на Катю, и внимание фокусируется сразу же на ее руках: длинные, тонкие пальцы, ярко выраженная гороховидная кость, на тонком запястье – браслеты с колокольчиками... Хочется изобразить ее руки, а потом уже действовать по обстоятельствам. Кажется, что я все глубже погружаюсь в мир миниатюры.

Осматриваюсь в мастерской – никаких животных. Только два человека. Предлагаю поделиться с ней своим обедом, но она вежливо отказывается. Тогда я, держа в одной руке кисть и ложку, второй рукой приглашаю ее сесть напротив.

– Начнем с рук, – говорю.

Как в маникюрном кабинете.

Натурщица привыкла к чудаковатому поведению художников. Начинает снимать браслеты, и раздается едва слышный, жалостливый звон колокольчиков. Останавливаю ее:

– Нет! Не снимайте. Сегодня будем работать над звуком.

Ругаю себя за резкость.

– Оставьте все, как есть, прошу.

На ее большом пальце торчит заусенец, и под ним алеет пятнышко крови, вокруг – островок воспаленной кожи. словно укус насекомого. Рука маленькая, не очень ухоженная, рука мальчишки. Указательный палец с легкой потертостью, и будто бы даже немного искривлен, словно Катя часто держит шариковую неудобную ручку. Средний палец – самый удивительный. Идеальной формы, с небольшой вздутой венкой голубоватого оттенка и точкой-родинкой. На безымянном пальце у Кати обручальное кольцо, чуть спущенное вниз. Выше – едва заметный след, словно кольцо съезжает время от времени, но его подтягивают обратно. На мизинце белое пятнышко, словно облако, и ноготь на нем крохотный, округлый, почти прозрачный. Все подушечки пальцев чуть розовые. На фалангах едва заметные волоски, которые словно бы подсвечены, и тонкими полосами белеет отросшая кутикула. Сами ногти вытянутые, но чрезмерно короткие, и один

из них, на большом пальце, Катя грызет особенно интенсивно. И дальше, пробираясь взглядом от запястья все выше и выше – браслеты и пять небольших колокольчиков.

Пишу. Проходит какое-то время, или не проходит, я вовлечен в работу, и время замирает. Жаль, что только для меня одного.

– Простите, может, не нужно было вас будить? Может, вам поспать, а я приду завтра? – Катя смотрит на меня большими голубыми глазами, и стрелка на ее правом веке нарисована толще, чем на левом.

– Вы приходите в любом случае, и чем раньше, тем лучше. Что, так плохо выгляжу? – невольно морщу лоб, словно жду ее сочувствия.

– Очень устало выглядите.

– Ну, ничего страшного. Зато освобождается время. Сюжеты создаются ночью, а пишу я только при дневном свете.

– Так уже семь вечера...

Неловкая пауза. Откладываю кисть, смотрю куда-то в сторону и задаю вопрос, который выглядит, как неловкое желание перевести тему:

– А вы не видели белого кота где-нибудь поблизости?

– Не видела. А что?

– Ничего...

Теперь надо искать оправдание. Не говорить же, что я сомневаюсь в своем рассудке.

– Да шастает здесь время от времени... Видимо, кто-то из соседей его подкармливает.

Улыбаюсь, и Катя в ответ улыбается одной половиной рта, насколько хватает ей вежливости. Эта полуулыбка добавляет ей какого-то плутовства и очарования.

– Вы внешне очень похожи на Леонору Кэррингтон.

Зачем я это сказал? Не знаю. Но ведь правда похожа?

– Кто это? Я, извините, не слышала о такой.

– Художница-сurreалист. Аристократка, и очень красивая.

Теперь Катя улыбается широко и даже кажется мне более расслабленной, мягкой. Щеки ее начинают розоветь, а затем цвет перебирается к мочкам ушей. Я продолжаю:

– И любопытная. Вы знаете, она ходила в церковную школу. И

однажды, перед католическим священником, задрала юбку и спросила его: «Что вы об этом думаете?».

– Странная история. И зачем она это сделала? При чем здесь любопытство? – Катя сердится: как могла аристократка, еще и похожая на нее внешне, творить такое? – Больше похоже на желание привлечь к себе внимание.

– Ну, а мне кажется, это такое проявление ее интереса к хаосу, к другой стороне жизни. Она поймала момент, а потом использовала его как свой материал. Это, знаете, как тормозить улей... Поработаем еще немного?

– Чуть-чуть.

Молчим. Или Катя спрашивает что-то, но я уже не могу разобрать ее слова. Время бежит, и работа останавливается только после того, как Катя встает и собирается уходить: очень уж поздно, придет на следующий день. С любопытством она заглядывает на мою сторону, смотрит на то, что я сделал, и к усталости на ее лице добавляются грусть и непонимание. На холсте – ее руки, и из самой заметной точки этих рук на зрителя глядит красный, раззадоренный заусенец, грубая кутикула, волоски, выпирающие костяшки.

Когда она уходит, я сажусь на пол в центре мастерской. Все вокруг начинает качаться, будто бы тело поместили на качели с какой-то катастрофически маленькой амплитудой, вверх-вниз, вверх-вниз... Вновь наваливается сон, мысли расползаются, но сну я сопротивляюсь: вдруг опять придет кот? Хотя, с другой стороны, еще несколько ночей бессонницы, и ко мне в гости может наведаться весь городской зоопарк. Время течет вокруг. Я в середине циферблата и словно очерчен мелом. Чувствую, как начинается новый день. Ложусь на пол, рассматриваю потолок.

На потолке виднеются островки облезшей краски, и человек перемещается взглядом от одного островка к другому, как на моторной лодке. Траектория взгляда пунктиром остается на потолке, светлыми искрящимися линиями, и от этого света в сторону разлетаются точки, словно маленькие, легкие светлячки. Сначала они кружатся под потолком, а затем летят к человеку, налипают на его веки, тянут их вниз. Ну, уговорили. Глазам тепло, хорошо. Своих сил закрыть глаза у человека нет. Но

светлячки решили помочь, опустить веки силой своих маленьких цепких лапок. За окном глубокая ночь. Я лежу в окружении своих картин, и они смотрят на меня с удивительной жалостью и принятием, воспоминаниями пролезают под веки.

Под веками сны как кино. Вижу, как двое мальчишек пробираются через высокую зеленую траву, разводя ее руками, словно пловцы воду. Один из них идет впереди и двигается явно смелее: на шее у него висит бинокль, кепка сдвинута набок, в правой руке свернутый лист бумаги. Второй мальчишка отстает, испуганно оглядывается по сторонам, морщится от хлестких ударов травы. Одежда ему чуть велика, из красных рукавов футболки тянутся его худощавые руки, тонкие, словно веточки. Волосы его иссиня-черные, ноги до колен перемазаны грязью, кроссовки мокрые насквозь: попадет от мамы, ох попадет. За то, что так далеко ушли от дома, за то, что обманули, за то, что наступают теперь в лужи, словно это правильно так ходить, по лужам.

Небо начинает розоветь, наливаясь цветом, еще несколько часов и станет совсем темно. Первый мальчик останавливается, смотрит на своего отстающего спутника и кричит так звонко, что из травы взлетают птицы:

— Люся, ты если будешь так ползти, мы сто лет идти будем! Можешь шустрее, ну?

— Не называй меня Люсей! Я иду, видишь?

Второй мальчик нагоняет, но ему страшно, и страшно сразу за всех: за себя самого, за второго мальчика, за родителей, даже за это поле, за небо, за петляющую рядом стрекозу. Страх идет рядом с ними, будто третий. Сейчас стемнеет, и не будет понятно, как спастись от этой темноты, где переждать ее, как возвращаться. Ведь ночью, когда не можешь уснуть, время стоит на месте, почти не двигается...

— Миш, долго нам еще?

— Не нужно было нам делать привал. Это ты устал, опять ты устал, как всегда.

Миша разворачивает кепку козырьком назад и расправляет свернутый трубой альбомный лист, где красным пунктиром прорисован их маршрут.

— Миша, Миша... Ты помнишь, куда идти?

– Не хнычь. Сто раз здесь был. Просто травой все заросло, не видно ни черта.

От громкого слова прибавляется сил, но сказать хочется только одно:

– Миша... пойдём обратно. Ночью как найдемся? Пойдем, пожалуйста.

– Ну так вали, Люся. Иди домой, к мамочке.

Миша смотрит на него смело и задиристо, он на полголовы выше, намного сильнее, и любое Мишино слово, даже самое неприятное, кажется жестокой правдой. Слово старшего брата. Девчонка так девчонка, Люся так Люся, трус так трус. Мир вокруг начинает плыть, глаза щиплет, уголки губ ползут вниз: нестерпимо хочет бежать как можно дальше.

Миша с улыбкой смотрит вперед, затем бросает рюкзак на землю и подходит к высокому, старому дубу, натягивая чуть вниз шнурок бинокля.

– Есть идея, – Миша хлопает рукой по толстому стволу дерева. Даже самая нижняя ветка очень высока, но он хватается за нее, поднимается ногами по стволу и повисает на ней, словно коала. Затем переворачивается, и руки его уже все расцарапаны, но он уверенно продолжает лезть дальше, все выше и выше. Второй мальчик стоит и смотрит на него испуганно, потом смотрит, как солнце все больше опускается, прячется за тучи, а тучи наливаются не только розовым, но и чернильно-синим, к дождю... Миша лезет все выше. Садится на одной из верхних веток, и она чуть под ним прогибается, но он придерживается за ствол дуба и встает в полный рост, осматривается... Вокруг – зеленое море из трав. Не видно их цели, не видно бирюзового озера, где плавают усатые сомы, которых можно хватать руками, так их много и так они близко. Что же, и правда, лучше идти домой? Сказать, что карта – не его? Сказать, что озеро теперь не в том месте, что было раньше? Что оно заросло? И гроза, явно будет гроза.

– Ты знаешь, Ленька, пойдём домой, – кричит сверху Миша, – а завтра пораньше выйдем и опять будем озеро искать. Я его вижу, вон оно. Но очень далеко, уж больно медленно ты ходишь, Люся. Могли бы дойти, но ты еле ползешь.

Миша спускается с дерева, продолжает говорить через кряхтенье:

– Хорошо вот быть птицей. Поднялся и сам себе как самолет. Или насекомым каким. Но лучше птицей.

Спрыгивает на землю, но внизу никого нет. И вроде бы с дуба он еще видел щуплую фигурку брата. Или нет? А сейчас никого. Миша осматривается, затем на всякий случай заглядывает во все кусты, кричит: «Люся! Ну, Ленька! Леони-и-ид! Леонид Иванович!». И сам смеется от этого нагромождения букв, от такого тяжелого имени, слишком большого веса для щуплых Люськиных плеч. Но кругом никого нет. Тогда он поднимается опять на дерево, достает бинокль и видит, как вдалеке шевелится трава: но неясно, то ли это проходит через нее небольшая детская фигурка, то ли дует поднявшийся к дождю ветер. Где-то в животе что-то укалывает его почти незаметно, тихонечко, аккуратно сдавливая, словно корсетом, область верхних ребер. Быть с братом мягче? Нет, невозможно. Отсыпать конфет сегодня вечером, откупиться от этого дня и стереть его из памяти.

Миша спускается, в задумчивости облокачивается о ствол дерева, но что-то вылетает из-под его руки, и со страхом он одергивает руку. С дуба взлетает шмель. Шмель сердито делает круг, затем садится обратно. Толстое, мохнатое насекомое. Смотрит на него так, как насекомые смотреть не могут, а затем расправляет радужные крылья и летит в противоположную сторону от дома.

Миша бредет домой, гонит от себя мысли о брате, запрещает себе волноваться: сюда они шли так, что их следы оставили тропинку, значит по ним можно вернуться. Начинается дождь, вместе с ним спускается ночь. Миша идет просто так, вперед, не понимая, что происходит, где он и как долго еще ему идти. Дождь заканчивается, а путь домой все еще тянется. За мальчиком ползет луна. Вокруг танцуют тени, из-под травы призраком вылетает ветер, электрическим облаком гудят насекомые. Когда вдалеке он начинает замечать огоньки домов и выходит из поля на дорогу, кто-то сразу хватается за шиворот, светит в лицо фонариком. На всю деревню раздается крик: «Нашелся! Кать, один есть! Слава богу...». К ним сбегаются люди, у всех у них горят фонари, и лучи света разрезают темноту, словно мечи, далеко вперед, как поле светлячков, много-много слепящего света, до

слез.

– Миш, а брат где?

– Не знаю. Мы с ним разминулись. Он домой пошел раньше меня. Да придет скоро, куда ему деться?

За шкурку закидывают Мишу в комнату, закрывают снаружи дверь. В комнате темно, но луна освещает каждый предмет. Миша подходит к окну. Отражается в стекле его расцарапанное лицо, черные глаза, растрепанные волосы, узкий нос. Мальчик подходит к камину, давно уже потухшему, достает маленький уголек, и на обратной стороне своей невезучей карты рисует отражение: еще неуверенной, непослушной рукой. Бегут часы, а может и не бегут. Никто к нему не идет. За окном толстый кот доедает голову пойманной соседями рыбы. Миша сворачивается на полу, обнимает руками ноги, засыпает. Чувствует, как слезы прорезают дорожки на лице, но ведь он не плачет? Придет ведь Люся, куда денется? Обязательно придет.

Под окном с резким скрежетом проезжает машина, и я просыпаюсь. Смотрю на часы: 4.21. Вот это да. В мастерской я не ночевал еще с тех времен, когда брался выполнять частные заказы, заканчивая их в последний момент. Тру глаза до появления звездочек. Кажется, даже во время трения – сплю...

Время бежит вниз. 4.12, 3.45, 3.10, 2.57, 2.01. Это что же, и правда обратный отсчет? Потолок наполняется светом и похож на медовые соты. 1.57, 1.32, 1.11... Стены начинают гудеть.

Подождите, дайте мне заснуть, чтобы потом проснуться, иначе я не успею.

Руки липкие, словно в меду, солнцем горит потолок. Всматриваюсь в черное небо над городом. Затем ложусь на пол, бочком, и засыпаю. Болезненно колет поясницу, копчик тянется куда-то вниз, но на боль уже нет сил.

Я вновь просыпаюсь со скованностью в спине, словно от одной лопатки до другой ведет линия скотча. Верхняя часть туловища вытянута туда, где никогда еще ничего не было. Встаю с пола, мастерская моя выглядит как обычно, но ноги стали более цепкими, словно по полу я могу ходить так же, как и по стенам, по потолку.

Тело мое совсем иное. Назад тянут крылья, вниз – жало. Голова

длинная, вытягивается в усы, и ими я чувствую что-то такое, чего никогда раньше не чувствовал. Подхожу к окну, и погода не представляется мне препятствием. Снег падает беззвучно. Кажется, при такой погоде у насекомых есть все шансы выпастся, и с этим желанием наступает мое воскресение.

\*\*\*

Катя идет по улице, отсчитывает нужный дом. Задумывается невольно о том, что подработка ее натурщицей – дело неблагодарное. Мечтает, как окончит институт, еще один курс, и можно будет устроиться на хорошую работу, получать белую зарплату...

Катя устала от людей, которые ведут себя не так, как она ожидает. Иногда подобное поведение вызывает любопытство, но где-то в глубине души Кате мучительно хочется простоты. Прямых ровных линий организации обыкновенного человека. Человека, который ходит на работу в офис, ест три раза в день, заботится о своем здоровье, принимает витамины. Каждый человек уникален, в этом Катя была убеждена. Но есть уникальность выпирающая, заостренная, царапающая – и это Катю пугало.

Тот художник, к которому она идет сейчас – из тех же царапающих людей. Он вроде бы спокойно ведет себя, но как испугал ее его рисунок. Четыре часа сидела она, боясь вздохнуть, чтобы на холсте появились ее руки. Все то, чего она стеснялась: излишняя костлявость и некрасивая форма пальцев, отсутствие маникюра – все это было показано с удивительной точностью, неприглядной честностью, с акцентом на ее недостатки. Сегодня Катя отрезала заусенцы, кутикулу, накрасила ногти лаком, а браслеты оставила дома, чтобы не привлекать внимания.

Ну, вот он, нужный дом. Катя поднимается по витиеватой лестнице, стучится в дверь. Никто не открывает. Наверно, опять спит. Неуверенно Катя надавливает на ручку и оказывается внутри комнаты. Вдоль стен, как коржи для торта, сложены картины. Многие из них выглядят пугающе. Особенно та, что в работе – серо-черное пятно с призрачной палкой, отдаленно напоминающей тень какого-то существа. Рядом – слабые очертания огромного дуба. На дубе пасутся животные, в корнях его тоже

кто-то живет. Кажется, что оно шелестит. Гадость.

Катя проходит вглубь комнаты, но внутри никого нет. Он что же, забыл, ушел, заснул где-то у себя дома? Почему же тогда открыта дверь? Катя обходит мастерскую, делает по ней ненужные три круга. Окно не заперто, всего лишь прикрыто. На табуретке висится пирамида аккуратно сложенной одежды, на полу – пара тапочек и два черных комочка носков. На вешалке – пальто, уличная обувь... В чем же он ушел?

Катя достает телефон, набирает номер «Худ. Мих. Шмелев», звонок раздается в кармане пальто, висящем рядом на обгрызенной вешалке.

Заостренные люди, царапающие, жалящие. Не Катины люди. Катины люди спят ночами и им снятся красивые, теплые сны. Не выкинулся ли в окно? Катя подходит, выглядывает на улицу, но под окном лишь замерзший черный асфальт. Вдыхает облегченно. Сначала хочет посидеть, попробовать подождать, но пространство мастерской словно выталкивает ее из себя. Перед выходом она задумчиво втягивает ноздрями воздух. Чудится, что пахнет медом.

---

Об авторе: АННА ЛУЖБИНА

Прозаик. Родилась в Москве, окончила философский факультет РГГУ. Победитель конкурса CWS, публиковалась в альманахе. Некаýalar